

СЧАСТЬЕ АКТЕРА

Герой одного из романов, посвященных театру, старый опытный актер говорил:

— Счастье твое артист, каждый день слышать третий звонок и голос помрежа: «Начинаю спектакль, занятых прошу на сцену...». Счастье твое, когда ты занят, когда тебя просят на сцену.

Слова эти приходят на память всякий раз, когда на сцене Одесской оперы появляется Вячеслав Нещеретный. Двадцать лет отданы певцом этому театру, и за все время, пожалуй, не найдется оперного спектакля, в котором он не был бы занят. Сотни выступлений, десятки образов, радость творческих побед, муки поисков — актер познал на этой сцене все. Он бывает здесь героем Максимо, комиком Фигаро, благородным отцом Жермоном — всем, кем может быть в опере певец-баритон.

Нещеретному, безусловно, повезло в смысле вокальных возможностей. Его голос — мягкий, гибкий, ровный в кантлене, свободный в верхах — отлично звучит в лирических партиях Онегина, Жермона, Елецкого. А выносливость этого голоса, его умение справляться с тесситурными нагрузками, динамической насыщенностью дают артисту возможность воплощать на сцене драматические образы Амонасро, Риголетто, Скарпиа.

И, наконец, голос позволяет артисту экспериментировать, испытывать малознакомый или вовсе неопробованный материал. Когда мы говорим, что Одесский оперный театр ищет новый репертуар, ставит произведения советских авторов, в частности, молодых — обязательно упоминается имя актера Нещеретного, поскольку он всегда в гуще этой работы. Только за последние годы им созданы образы Веньки Малышева и лейтенанта Шмидта в операх Б. Кравченко, Родиона Жукова («Белеет парус одинокий» С. Беневица). Одесситы ставят болгарскую оперу «Рыцарь» — Нещеретный в главной роли. В 1971 году театр снова обращается к «Тарасу Бульбе» Н. Лысенко, и артист выступает в ответственной партии Остапа и крохотной роли Посланца. Ставится «Арсенал» Г. Майборода, и Нещеретный исполняет роль Максима — большую, яркую, проблематичную. В последней работе театра — опере В. Рубина «Июльское воскресенье» актер создает образ героя-сезастопольца Аркадия Журавлева.

А ведь наряду с этим — весь западный и русский классический репертуар. И в каждой роли — свои краски, свои характерные черты.

Ди Луна в «Трубадуре» Дж. Верди. В оперном образе нелегко внешними чертами передать двойственность, противоречивость. Нещеретный впервые появляется на сцене непритворно влюбленным молодым человеком, пришедшим в сад с надеждой на свидание. Он красив и элегантен, будто только что сошел с полотна испанского Ренасьямента. И вдруг неожиданно услышанная песня трубадура вызывает какой-то неуловимо хищный поворот и оскал: «О, ревность!». Сразу впечатление меняется: теперь перед нами фигура средневекового тирана. Он стремится подчинить себе человеческую любовь, будучи уверен, что это возможно, — и становится братоубийцей. Трагедия? Для ди Луна — Нещеретного — нет. Артист разоблачает хищническую природу своего персонажа и делает это последовательно, начиная от первого терцета, через арию и ансамбли второго

акта и кончая немногочисленными репликами в темнице.

Рассказывая анекдот о трех картах «душка-военный» Томский («Пиковая дама» П. Чайковского), кажется, не заметил присутствия Германа. Вот победно взято верхнее «сол», и Томский, завидев двух дам, немедленно удаляется в их общество. Потом, на балу, узнав, что идея легкого выигрыша овладела Германом всерьез, он легкомысленно бросает: «Бедняга!». А в игорном доме скажет ищущему секунданта Елецкому: «Надейся на меня» — и утихо-заякнет шпорами перед умирающим Германом. Он не ощущает своей причастности к совершившейся трагедии. Равнодушно и бездумно скользит по жизни ветреный богач Томский, каким рисует его Вячеслав Нещеретный.

Осудить, разоблачить актер умеет страстно и мастерски. Но в опере нельзя ограничиваться рамками одного амплуа. И вот уже перед нами искрометное веселье севильского цирюльника. Фигаро, или, например, Микола в «Наташке Полтавке» Н. Лысенко — своеобразный концентрат актерского оптимизма, радостного и свежего восприятия жизни. А рядом — страдания и скепсис Демона, добрая, но ироничная усмешка Добромира («Рыцарь» П. Хаджиева), вера в гуманистический идеал Эбн-Халиа («Иоланта» П. Чайковского), героическая борьба за будущее Максима («Арсенал») и Веньки Малышева («Жестокость»).

Вера в человека, честное, непредвзятое отношение к личности, искренность во всем — этими чертами близки друг другу работы Нещеретного в спектаклях «Жестокость» и «Арсенал». Для актера в обоих образах важно одно: страстная убежденность в справедливости избранного пути и вера в победу. Максим гибнет во вражеском застенке, Венька — сломленный обывательской пошлостью, но оба остаются жить в памяти зрителей, исполненные чистоты, мужества и честности. Этим объединил их актер Нещеретный.

Итак — многоплановость, широта творческого диапазона, поразительная работоспособность. Вячеслав Нещеретный унаследовал их от своего наставника профессора О. Н. Благовидовой. К этим качествам необходимо добавить искреннюю преданность своему театру и приобретенный на его сцене большой профессиональный опыт. В самом деле, сцену Одесской оперы Нещеретный знает не хуже, чем собственный голос. Он знает, с какой точки лучше всего прозвучит верхняя нота, где зритель острее почувствует еле уловимое движение, поворот... Не потому ли кульминационные моменты в разных спектаклях у этого актера кажутся порой в чем-то похожими? Но в момент своего воздействия они помогают раскрытию образа, создают безотказный эффект — и потому правомерны. Ведь каждый певец, актер, музыкант обязан знать до мелочей те приемы, которыми он производит яркое художественное впечатление, и использовать их в своем творчестве.

Актеры часто говорят о себе: «Служу в театре». Так вполне говорить и Вячеслав Нещеретный. Он служит театру, как и надлежит заслуженному артисту УССР. Он работает много, настойчиво, с наслаждением. И актер счастлив, когда голос помощника режиссера врывается в его гримерную: «Вячеслав Семенович, прошу на сцену!».